

В. БРЮСОВ

Новые сборники стихов.

Вячеслав Иванов: «Cor ardens». К-во «Скорпион». М., 1911 и др.

Самое значительное явление нашей поэзии за последние месяцы, бесспорно, — сборник стихов Вяч. Иванова «Cor ardens». Не менее как лет пять читатели Вяч. Иванова ожидали появления этого сборника, который постоянно объявлялся в каталогах издательства с пометкой «печатается». Вышедшая наконец книга не разочаровывает долгих ожиданий, и даже можно сказать, что в ней впервые Вяч. Иванов встает перед нами как поэт во весь свой рост.

Если первый сборник стихов Вяч Иванова «Кормчие звезды» был крепким фундаментом, рассчитанным на величественное здание, если «Прозрачность» была перистилем, а «Эрос» — великолепной аркой, поставленной перед будущим храмом, то «Cor ardens» являет нам уже часть этого храма, которому, конечно, суждено пережить наш скромный суд над ним и вызвать в будущем еще много суждений, толкований и объяснений. Что новая книга Вяч. Иванова не кажется нам законченным зданием, частью объясняется тем, что она — лишь первая половина тома (включающего книги: «Cor ardens»¹, «Speculum Speculorum»² и «Эрос», за которой должна последовать вторая («Rosarium»). Но частью объясняется это и грандиозностью первоначального плана, осуществление которого требует подвига целой жизни.

В книге, лежащей перед нами, развиты собственно только два элемента поэзии Вяч. Иванова: дифирамбический восторг перед мощью Природы и Жизненного начала в человеке и мистическое умиление перед таинственным значением Жертвы, приносимой ли Богом ради мира или единым из живущих в мире ради Бога.

Дифирамбы³ собраны в первых отделах книги, где отождествляется Солнце, движущее жизнь нашего мира, и Сердце, в котором сосредоточена жизнь человека. Солнце, его земной прообраз, огонь, и сердце становятся для Вяч. Иванова символами всякой мощи, всякого дерзания, мятежа. Гимны Сердцу, которое «стремительно в величье бега», чередуясь с песнями во славу Прометея, зажегшего «факел своевольный», переходят в хвалу Сердцу, которое «в неволе темной» творит тот же «светлый подвиг». Естественно присоединяются к этим дифирамбам стихи, посвященные «године гнева», — грозным событиям недавно пережитой нами революции, к которой Вяч. Иванов отнесся с величайшей страстностью.

Мистические гимны объединены во второй половине книги, и эпиграфом ко всем ним могли бы служить стихи из послания к пишущему эти строки (*Mi fur le serpi amiche*⁴)

И я был раб в узлах змеи, —
И в корчах звал клеймо укуса;
Но огонь последнего искусства
Заклял, и солнцем Эммауса
Озолотились дни мои...⁵

Этот свет «солнца Эммауса»⁶ стремится Вяч. Иванов увидеть и в древнем пророчестве о наступлении в наши дни новой «эры Офиеля» («*Carmen saeculare*») ⁷, и в античном предании о святилище озера Неми, жрецы которого приобретали право служить божеству той ценой, что каждый мог убить их и занять их место⁸, и в мифе о Дионисе-Загрее, в котором он видит прообраз Христа-Жертвы («Сон Мелампа»), и в воспоминаниях о «скалы движущем» Орфее («Лицо»), и над явлениями нашей повседневной жизни, в своих раздумьях о Москве, которая на закате символически «горит и не сгорает»⁹, о колокольном звоне в Духов день, который кажется ему схождением Духа Святого на медные главы колоколов, о кладбище, где гроба «поют о колыбели»¹⁰... Христианская мистика проникает все восприятия Вяч Иванова, и, нигде не выставляя ее напоказ, он действительно создает религиозную поэзию в лучшем смысле этого слова...

Что касается формы, то, конечно, в новой книге Вяч. Иванов остается тем же мастером стиха, каким он показал себя уже в своем первом сборнике. Но все же стих в «*Cor ardens*» значительно

отличается от стиха «Кормчих звезд». С одной стороны, этот стих окреп, достиг полной возмужалости, совершенной уверенности в себе; поэт *знает*, что он может выразить своим стихом все, что хочет, что для каждой поэтической идеи он без труда найдет соответствующие слова, нужный ритм. Но в то же время в «*Cor ardens*» чувствуется уже некоторая излишняя техническая бойкость и местами встречаются готовые трафареты, применяемые, так сказать, механически. С другой стороны, в книге есть известное приближение к простоте языка. Не отказываясь от своей намеренно-величавой речи, цель которой — обособить поэтическое слово от слова повседневного, самой формой указать на значительность, на необходимость передаваемых идей, Вяч. Иванов нашел возможность отказаться от тех синтаксических темнот, которые для многих были непреодолимым препятствием на пути к его поэзии. Синтаксис Вяч. Иванова в «*Cor ardens*» гораздо более ясен и близок к общеупотребительному, чем в его ранних стихотворениях. Вместе с тем значительно упростился и словарь Вяч. Иванова.

В области чисто технической Вяч. Иванов нового дает в своей новой книге немного. Но на проложенных им ранее путях он делает новые и немалые завоевания. Неравностоппный стих (отчасти соответствующий немецкому *knittelvers* и стиху Гейне)¹¹ представлен в «*Cor ardens*» блистательными примерами, может быть, лучшими на русском языке, несмотря на очень удачные попытки в этом направлении А. Блока. «Песни из лабиринта», например, могут быть названы образцом коротких строк, из которых каждая согласно с своим содержанием сама создает свой размер. В цикле сонетов «Золотые завесы» есть несколько в высшей степени примечательных по оригинальности рифм и по законченности своего построения. Многие стихи по звуковой своей изобразительности достойны соперничать с лучшими образцами такого рода у Вергилия¹², как, например, стих:

Чу, кони в бронях ржут, и лавр шумит, густея...¹³

Но надо сознаться, что по временам в погонях за аллитерациями Вяч. Иванов заходит слишком далеко, и стихи —

Пьяный пламень поле пашет,
Жадный жатву жизни жнет¹⁴, —

напоминают уже не Вергилия, а стих Бальмонта, его

Чуждый чарам черный челн...¹⁵

Во всех стихах *Вяч. Иванова* есть что-то от античной поэзии. В расположении слов и в построении строф часто слышатся отзвуки строгой латинской лиры. «Покров», например (говорим исключительно о его ритмике), наводит нас на память Катулла, «Carmen Saeculare» — Горация¹⁶, «Огненосцы» — хор Эсхиловой трагедии¹⁷, «Сон Мелампа» намеренно подражает античной идиллии. Это веяние античности придает поэзии Вяч. Иванова редкую в наше время силу, и от его стихов получается впечатление созданий aere perennius¹⁸.

1911

